

УДК 82.0

**ОБРАЗ ПЕРЕВОДЧИКА И ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

© 2015 г.

И.С. Юхнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yuhnova1@mail.ru

Поступила в редакцию 09.02.2015

Предметом изучения стал переводчик как персонаж современной отечественной прозы. Объектом исследования – произведения М. Шишкина, Е. Чижова, Л. Улицкой, И. Ефимова, А. Чернобровкина и др. Цель работы – охарактеризовать структуру образа, его типологические черты, принципы организации сюжета, комплекс идей, которые обусловлены введением такого персонажа в повествование. Показано, что переводчик выступает посредником в межкультурном диалоге. Особый акцент сделан на переводе художественного произведения, в том числе с помощью подстрочника. Выявлено, что для произведений о переводчиках характерны прерывистость повествования, наличие вставных конструкций, что обусловлено родом их деятельности. Обозначены мифологические источники сюжета о переводчике – притча о Вавилонской башне и легенда о пророке Данииле. Они обусловили два понимания функции перевода – преодоление разноязычия и раскрытие тайного (скрытого) смысла. В связи с этим объяснена семантика слов «переводчик» и «толмач» в понимании современных авторов.

Ключевые слова: переводчик, межкультурный диалог, диалог культур, подстрочник, Михаил Шишкин, Ю. Поляков, Е. Чижов.

Проблема диалога культур в литературе последних лет относится к разряду актуальных. Раскрывается она в различных аспектах: и как осознание собственной национальной идентичности, и как изображение человека иной культуры, и как осмысление эмигрантского опыта, и как поиск общего языка представителями разных традиций и пр. Одним из центральных персонажей в произведениях, затрагивающих эти темы, стал переводчик. Вот далеко не полный перечень произведений, в которых появляется этот литературный герой: М. Гиголашвили «Толмач» (2003); И. Ефимов «Новгородский толмач» (2004); К. Кривцун «Переводчики» (2010); А. Маринина «Стилист» (1996); Д. Рубина «Последний кабан из лесов Понтеверда» (1998); Б. Терехов «Переводчик «Переводчика»» (2009); Д. Трускиновская «Переводчик со всех языков» (2011); Л. Улицкая «Даниэль Штайн, переводчик» (2006); А. Чернобровкин «Толмач» (1995); Евг. Чижов «Перевод с подстрочника» (2013); Мих. Шишкин «Венерин волос» (2002–2004); А. Шувалов «Переводчик» (2009). Как видим, это произведения разных жанров и разного литературного качества, что само по себе показательное. Известно, что беллетристика, массовая литература быстрее откликаются на требования времени, именно в литературе второго ряда чаще возникает тот новый герой, который постепенно оформляется

в литературный тип, репрезентирующий эпоху, а затем получающий осмысление в творчестве писателей, глубоко и серьезно размышляющих о природе человеческой личности.

Приведенный выше ряд можно дополнить произведениями, в которых переводчик появляется как периферийный персонаж, а также произведениями о судьбе писателя и литературном труде. В них перевод какого-нибудь национального поэта изображается как одна из разновидностей рутинных профессиональных занятий. Так, в ироническом романе Ю. Полякова «Козленок в молоке» (1995) рассказчик переводит стихи кумырского поэта Эчигельдыева, и это для него – литературная халтура, «прибыльное дело», не требующее ни творческой энергии, ни эмоциональных усилий. По сути, его перевод никак не связан с исходным текстом. В соответствии с принципом: «Задача поэта-переводчика – следовать ... не букве, но духу оригинала» – подстрочник: *У моей любимой щеки, как гранат, Лицо, как полная луна, Тело, как свитки шелка, Слова, как рассыпавшиеся жемчуга...*, представляющий собой классический набор псевдостолических сравнений и метафор, переводится следующим образом: *Нас с Зухрою луноликой Ночь укроет повиликой...* [1, с. 54, 55]. И этот перевод – набор случайных бессодержательных слов: переводчику невдомек, что повилика на самом деле растение-паразит, питающе-

еся соком растения-хозяина, да к тому же имеющее ядовито-желтый цвет. Укрыться ею невозможно еще и потому, что она представляет собой тончайшие, мгновенно рвущиеся нити¹.

Две истории (центральный сюжет создания фиктивного гения из полуграмотного Витька и «байка» о переводе стихов Эчигельдыева) по своей сути оказывались идентичными. Национальный поэт в его русскоязычных переводах – такая же фикция, как и Витек с несуществующим романом «В чаше». Только в одном случае фикция оформлена словесно, во втором нет.

В романе Ю. Полякова история с переводом – маленький эпизод. Но именно как эпизодический персонаж обычно и появлялся переводчик (толмач, чичероне и пр.) в литературных произведениях, как правило, в тот момент, когда главный герой оказывался в чужой стране, «без языка» (так назывался рассказ В.Г. Короленко). Собираемый и типичный образ такого гида-переводчика (независимо от того, русский ли оказывался за границей, иностранец ли в России) был примерно таким: вертлявый, активный, находящийся в постоянном движении человек, который вдруг появлялся из толпы (как чертик из табакерки). Психолог, безошибочно выделяющий в массе людей тех, кто нуждается в его услугах, он был инициатором общения. Контактный, пронырливый, то, что называют «ушлый», он становился проводником в новой для человека действительности, позволял преодолеть безъязычие, немоту в чужой языковой среде, и вместе с тем он формировал первые представления об укладе, традициях, правилах поведения в чужой стране. Такой переводчик был первым личностным контактом в новой реальности и часто оказывался соотечественником, осевшим на чужбине. Хаос новых впечатлений оформлялся именно через его участие. Как только герой немного осваивал язык, приобретал способность самостоятельно выстраивать элементарную коммуникацию, так переводчик исчезал из повествования за ненадобностью. Более того, для человека, адаптирующегося в новых условиях, он становился помехой в общении, препятствием, тормозящим его освоение чужого языка. Таким образом, эпизодичность персонажа мотивировалась природой его занятия.

В литературе последних десятилетий интерес писателей вызывает и личность переводчика, и процесс создания перевода как такой. Характерно, что современные авторы, говоря о переводчике, реанимировали слово «толмач», которое в словарях часто идет с пометой «старин.», «истор.», «устар.». Конечно, чаще всего

оно используется в произведениях на исторические темы. Так, Игорь Ефимов выносит его в заглавие романа «Новгородский толмач», события в котором происходят в XV веке (с августа 1467 до лета 1496-го). Так же именуется герой и в рассказе А. Чернобровкина, действие которого отнесено к эпохе Древней Руси.

Но это же слово как самообозначение появляется и в романе Мих. Шишкина «Венерин волос». Герой-повествователь аттестует себя Толмачом. И это не случайно. Для прозы Мих. Шишкина характерна «принципиальная пронцаемость времени и пространства» [3, с. 1409], а потому повествование в его произведениях многопланово, в них «пространство собственной жизни сопрягается с пространством всей мировой культуры» [3, с. 1410]. Так и в романе «Венерин волос», с одной стороны, есть биографическая реальность – герой работает переводчиком в центре для беженцев в Швейцарии². Вместе с тем эпитафия³, система культурных и литературных цитат, отсылок, знаковых деталей (руководитель центра носит говорящее имя – Петер, в его кабинете висят фотографии, изображающие этого «вершителя судеб» на рыбалке) формируют библейский контекст. Так возникает ассоциативное поле ситуации «человек у ворот рая». А герой воспринимает себя переводчиком при апостоле Петре: *Я перевожу вопросы и ответы, а Петр записывает, кивает головой, мол, ну-ну, так я вам и поверил. Он никому не верит* [4]. В результате «жизнь человека интерпретируется как суд, для которого необходимо не выделение главного, а повторение прожитого секунда в секунду: “На суде этом никто не торопится, ведь надо во всем тщательно разобраться, и поэтому вечер надо показывать целый вечер, а жизнь – целую жизнь”» [3, с. 1409].

И то, каким должен быть в этих условиях переводчик, формулирует героиня, так и не сумевшая дистанцироваться от чужой боли, воспринять перевод только как работу: *...она жаловалась, что, вернувшись после работы домой, садится ужинать, а перед глазами – женщина, которая днем на интервью плакала, рассказывая, как сыну выдирали ногти, а этот самый мальчик без ногтей сидел рядом в комнате для ожидания. Детей опрашивают отдельно от родителей.*

– *Здесь нельзя никого жалеть, – сказала один раз Сабина. – А я их всех жалею. Надо просто уметь отключиться, стать роботом, вопрос-ответ, вопрос-ответ, заполнил формуляр, подписал протокол, отправил в Берн. Пусть они там решают. Нет, мне надо искать другую работу* [4].

Так выявляется, что переводчик – это социальная роль, профессия, механистическая работа ради заработка, когда чужие судьбы проходят мимо, не становясь твоим личным опытом. Здесь используются и соответствующие речевые стратегии, не допускающие возвращений, обсуждений, разных толкований, – вопрос-ответ. По сути, это не интервью, а допрос, цель которого – разоблачить, уличить интервьюируемого, не дать ему возможности переступить ворота рая.

Толмач же – это человеческая сущность, находящаяся в диалоге с собой. Стремление понять собственную жизнь, эмоции, чувства определяет и тип автокоммуникации. Это размышления, воспоминания, внутренние монологи, обусловленные событиями личной жизни, тревожными ожиданиями будущего. И в это диалоге с самим собой нет однозначности и определенности.

Таким образом, словами «переводчик» и «толмач» Мих. Шишкин обозначает два способа взаимодействия со словом. В одном случае слово лишь фиксирует факт, в другом оно выстрадано и мотивировано жизненным опытом человека.

В первом случае слово реализует свое прямое значение – «специалист по переводам с одного языка на другой», а переводчик является посредником в коммуникации между иноязычными собеседниками. Во втором актуален, скорее, символический смысл, так как толмач реализует себя не в условиях иноязычия, а в условиях «разноязычия», когда люди говорят на одном языке, но при этом осознают, что абсолютное понимание между ними невозможно.

Мотив невозможности понимания – устойчивый не только в творчестве Мих. Шишкина. О тупиках в коммуникации, о непонимании, «глухоте» в предисловии к английскому изданию романа «Даниэль Штайн, переводчик» говорит и Л. Улицкая: «В этом мире, в котором мы испытываем всяческие затруднения, существуют недоразумения на каждом уровне. В семье родители и дети часто полностью не слушают друг друга. Между людьми учителя не понимают своих учеников, соседи не понимают своих соседей, и любители кошек не понимают любителей собак <...>. К этому еще добавляются отношения между государствами, этническими группами и религиями. Все эти недоразумения и отклонения порождают недоверие, страх и агрессию».

В романе «Взятие Измаила» есть характерный диалог:

– На свете существует десять тысяч живых языков, Евгений Борисович, – сказал Мот-

те, когда после чая вышли посидеть на крыльцо, – и еще Бог знает сколько мертвых. Зачем нужен еще один – не понимаю.

– Вот в этом-то все и дело, – вспыхнул Д., – в непонимании! Каждый отделен от другого стеной непонимания! И отсюда все обиды, ненависть, ложь и невозможность любви. Вот первопричина зла, живущего в человечестве. А единицей непонимания является слово. Вы произносите слово и вкладываете в этот дрожащий кусочек воздуха свой сокровенный смысл, исходящий из опыта прожитой вами до этого слова жизни, и с каждой минутой, с каждым вздохом меняется смысл произносимого. Даже если вы будете твердить одно и то же. Одно и то же слово, сказанное вами в начале жизни и в конце, означает совсем разные вещи. А это значит, что не только другой не может понять говорящего, не прожив его жизни, но и вам недоступно понять себя ни прошлого, ни будущего. Вот отчего все говорят что-то, и никто никого не понимает. И чем больше слов, тем сильнее путаница!» [6, с. 202–203].

В эпиграфе к роману «Венерин волос» сказано: *Ибо словом был создан мир, и словом воскреснем* [4]. В нем выражена ключевая для Мих. Шишкина мысль о «первичности языка по отношению к жизни отдельного человека, его онтологичности, способности языка моделировать время и пространство, упорядочивать материю жизни» [7, с. 188].

Миссия переводчика и толмача в этом и состоит – в упорядочивании жизни, ее сотворении. А суть перевода – понять замысел Бога, попытаться в соответствии с этим выстроить свой путь.

Этот мотив непонимания, невозможности совершенной коммуникации, безусловно, отсылает к библейскому мифу о Вавилонской башне. Образ переводчика получает метафизический (символический) смысл именно в этом контексте. Миф о Вавилонской башне объяснял причины разноязычия и актуализировал проблему возможности его преодоления. В современной литературе сформировались две ее трактовки.

Первая представлена в творчестве Мих. Шишкина. Понимание невозможно. Человечество, утратив общий язык, обречено на глобальное непонимание.

Другая позиция – разноязычие можно преодолеть, можно восстановить утраченную целостность. Но на вопрос о путях ее обретения каждый из писателей отвечает по-своему.

Герой Л. Улицкой Даниэль Штайн, католический священник, верит в возможность диало-

га между людьми разных вероисповеданий и национальностей и посвящает свою жизнь его установлению. Он знает много языков⁴, биографически связан с разными странами. Ему удается объединить людей, которые придерживаются полярных политических, религиозных и пр. убеждений.

Дина Рубина видит этот путь в «диалогической приобщенности к множеству языков» [8, с. 75]. В ее романе «Последний кабан из лесов Понтеверда» есть эпизоды, когда происходит понимание существенных основ чужой культуры через поиск аналогий. В романе «На солнечной стороне улицы» Ташкент – город, дух которого создается на основе единства разных культур и ментальностей.

О прорастании в чужую культуру, вовлеченности в ее историю с разными акцентами и интонациями говорят И. Ефимов и Евг. Чижов. Два чужестранца-переводчика с разными целями и разным знанием языка оказываются в чужой стране. И это определяет их судьбу, остается вне событий не удается ни Стефану Златобраду, ни Печигину. Они вовлечены в чужую историю, растворяются в ней.

Д. Трускиновская в повести «Переводчик со всех языков», представляющей собой синтез антиутопии и сказки о старике Хоттабыче, ставит проблему языковой агрессии, размышляет о том, как можно преодолеть языковое отчуждение, вернуть гармонию в язык, а тем самым и в общество. По ее мнению, национальный язык, замкнутый лишь на себе, обречен на вырождение, а вместе с ним вырождается и нация.

Таким образом, миф о Вавилонской башне – та основа, на которой выстраивается сюжет о переводчике. Вместе с тем стоит отметить еще один возможный источник метафизического (символического) смысла перевода и переводчика – это библейский пророк Даниил, а точнее ситуация Валтасарова пира, на котором он объявил значение надписи на стене, сделанной таинственной рукой: «Мене текел упарсин» (ты ничтожен, и твое царство поделят мидяне и персы) (Дан. 5, 25).

Именно эта линия – прочесть тайное – активно развивается в современной прозе. В частности, на этом строится сюжет рассказа А. Чернобровкина. В нем толмач – обладатель магического знания и игрок по натуре. Он не столько переводит речь, сколько обнаруживает намерения врага и тем спасает город от нашествия степняков. Толмач сумел победить их посла не в словесном поединке (языковой коммуникации не состоялось, язык степняка оказался неведомым

толмачу), но он разгадал намерения, расшифровал все символические загадки-послания.

В повести Б. Терехова «Переводчик «Переводчика»» герой через перевод литературного произведения влияет на свою собственную судьбу, моделирует ее.

Еще на один момент обратим внимание. Когда героем произведения становится переводчик, то это определяет не только его проблематику, принципы изображения героя, но и структуру. Для произведений о переводчиках характерны прерывистость повествования, наличие многочисленных вставных конструкций [9; 10; 11], игра с разными речевыми жанрами, сложная система точек зрения. Как правило, в повествование включаются письма, интервью, дневники, документы, литературные произведения, которые переводит герой. В них воспроизводятся многочисленные диалоги – и устные, и эпистолярные, которые как раз и отражают специфику межкультурной коммуникации. Частью экскурсы в этимологию слова, комментарии к культурным и историческим реалиям, игра со значениями иноязычного слова или, напротив, погружение в родное.

Таким образом, переводчик – это очень продуктивный образ, имеющий многочисленные интерпретации в современной литературе.

Примечания

1. Н.Е. Никонова замечает: «Перевод восточной поэзии по подстрочнику существовал всегда. В советское время так переводили Джамбула Джабаева, Сулеймана Стальского и других. Ошибки, допущенные в этом случае переводчиком, снисходительно прощаются...» [2, с. 187].

2. Как поясняет повествователь: *Вернее, беженцем еще нужно стать. А пока они только GS. Здесь так называют этих людей. Gesuchsteller (Лицо, подавшее заявление о предоставлении убежища (нем.)* [4]. Как видим, мышление переводчика (выявить нюансы, быть точным даже в мелочах, не допускать оговорок) определяет высказывание даже на этом уровне.

3. «И прах будет призван, и ему будет сказано: «Верни то, что тебе не принадлежит; яви то, что ты сохранял до времени». Ибо словом был создан мир, и словом воскреснем». (Откровение Варуха, сына Нерии. 4, XLII) [4].

4. Эпиграф к роману: «Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке. 1 Кор. 14, 18 – 19» [5, с. 5].

Список литературы

1. Поляков Ю.М. Козленок в молоке: Роман, повести. М.: РОССМЭН-ПРЕСС, 2004. 399 с.
2. Никонова Н.Е. Подстрочник поэтического текста: история, типология и роль в межкультурной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 179–189.
3. Безрукавая М.В. Романы М. Шишкина: авторская модель мира // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. С. 1408–1411.
4. Шишкин М.П. Венерин волос: роман // Знамя. 2005. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/4/shi2.html> (Дата обращения 16.09.2014).
5. Улицкая Л.Е. Даниэль Штайн, переводчик: роман. М.: ЭКСМО, 2007. 538 с.
6. Шишкин М.П. Взятие Измаила: роман. М.: Вагриус, 2007. 432 с.
7. Лашова С.Н. Принцип пазла: язык и хронотоп в прозе М. Шишкина // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2010. Вып. 6 (12). С. 186–190.
8. Серго Ю.Н. О некоторых аспектах темы перевода в современной русской литературе // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2008. Вып. 1. С. 73–80.
9. Юхнова И. С. «Чужая» рукопись в структуре художественного произведения (А.С. Пушкин, А. Погорельский, А.Ф. Вельтман) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2014. № 2 (2). С. 352–356.
10. Якимова Л.П. Семантико-поэтическая роль «вставных фрагментов» в произведениях Леонида Леонова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Т. 7. № 2. С. 112–122.
11. Николаичева С.С. «Дневниковый фрагмент» в структуре художественного произведения (на материале русской литературы 30–70-х гг. XIX века). Автореферат дис... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 23 с.

**THE IMAGE OF THE TRANSLATOR AND THE PROBLEM
OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN MODERN RUSSIAN LITERATURE**

I.S. Yuhnova

The object of study is the translator as the character of modern Russian prose. The object of research are works of M. Shishkin, E. Chizhov, L. Ulitskaya, I. Efimov, A. Chernobrovkin and others. The purpose of the work is to characterise the structure of the image, its typological features, principles of plot organisation, complex of ideas, which are due to introduction of such character into narration. Shown, that the translator acts as a mediator in the intercultural dialogue. Special accent made on the translation of the artistic work, including the interlinear translation. Revealed, that for works about translators discontiguity of narration, the insert construction are characteristic, which are due to their profession. Shown mythological origins of the plot about the translator – parabel about the Babylon tower and the legend about the prophet Daniel, who explained the meaning of the inscription at the Valtalasar's feast. They determined 2 understandings of the function of translation – overcoming of the language diversity and revealing the secret meaning. Thereby explained the semantic of words «translator» and «interpreter» in understanding of modern authors.

Keywords: translator, intercultural dialogue, dialogue of cultures, interlinear, M. Shishkin, Yu. Polyakov, E. Chizhov.

References

1. Polyakov Yu.M. Kozlenok v moloke: Roman, povesti. M.: ROSSMEN-PRESS, 2004. 399 s.
2. Nikonova N.E. Podstrochnik poeticheskogo teksta: istoriya, tipologiya i rol' v mezhkul'turnoy kommunikatsii // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. 2008. № 1. S. 179–189.
3. Bezrukavaya M.V. Romany M. Shishkina: avtorskaya model' mira // Fundamental'nye issledovaniya. 2014. № 11. S. 1408–1411.
4. Shishkin M.P. Venerin volos: roman // Znamya. 2005. № 4. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/4/shi2.html> (Data obrashcheniya 16.09.2014).
5. Ulitskaya L.E. Daniel' Shtayn, perevodchik: roman. M.: EKSMO, 2007. 538 s.
6. Shishkin M.P. Vzyatie Izmaila: roman. M.: Vagrius, 2007. 432 s.
7. Lashova S.N. Printsip pazla: yazyk i khronotop v proze M. Shishkina // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya». 2010. Vyp. 6 (12). S. 186–190.
8. Sergo Yu.N. O nekotorykh aspektakh temy perevoda v sovremennoy russkoy literature // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2008. Vyp. 1. S. 73–80.
9. Yuhnova I. S. «Chuzhaya» rukopis' v strukture khudozhestvennogo proizvedeniya (A.S. Pushkin, A. Pogorel'skiy, A.F. Vel'tman) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachev-skogo. Nizhniy Novgorod, 2014. № 2 (2). S. 352–356.
10. Yakimova L.P. Semantiko-poeticheskaya rol' «vstavnykh fragmentov» v proizvedeniyakh Leonida Leonova // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2008. T. 7. № 2. S. 112–122.
11. Nikolaicheva S.S. «Dnevnikovyy fragment» v strukture khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale russkoy literatury 30–70-kh gg. XIX veka). Avtoreferat dis... kand. filol. nauk. Nizhniy Novgorod, 2014. 23 s.

